Y8 6/156

У8 6/156

Проф. Дм. Цвѣтаева.

Обрусѣніе

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЕВЪ

въ Московскомъ Государствѣ.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣстье № 3.

1903.

У 8 б/156

Проф. Дм. Цвѣтаевъ.

ОБРУСѢНІЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЕВЪ

въ Московскомъ Государствѣ.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣстье № 3.

1903.

Съ дозволенія Духовной Цензуры.

Варшава, 13 іюня 1903 г.

Цензоръ, Каѳедральный Протоіерей П. Каллистовъ.

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.

Оттискъ изъ Х.-Варш. Епарх. Вѣстн. за 1903 г.

I.

Создавъ изъ русскихъ удѣловъ одно крѣпкое государство на началахъ православно-русской народности, Москва относилась осторожно ко всему ей чуждому, иноземному, особенно къ тому, что́ не согласовалось съ ея религіознымъ воззрѣніемъ. Культурность ея носила еще ту форму, въ которой вѣроисповѣданіе служитъ самымъ яркимъ отличіемъ отъ другихъ народовъ и самымъ надежнымъ оплотомъ въ сохраненіи національной независимости; непреоборимымъ охранителемъ самобытности при всѣхъ столкновеніяхъ съ враждебными силами было у насъ тогда Православіе. Въ самую тяжкую годину бѣдствій, въ Смутную эпоху, когда католическая Польша, съ цѣлію религіозной пропаганды и политическаго подчиненія себѣ, учинила на Московское государство насильственный натискъ, а протестантская Швеція учинила подобное надъ Новгородской областью, народъ возсталъ не столько на защиту національности, сколько за свою

Предлагаемый очеркъ составляетъ извлеченіе изъ сообщенія, произнесеннаго въ Русскомъ Кружкѣ въ Варшавѣ, на засѣданіи 21 мая 1903 г. Подробно предметъ былъ первоначально раскрытъ авторомъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и въ историческомъ изслѣдованіи „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи Преобразованій".

вѣру, которая тѣмъ самымъ помогла ему спасти и народность. Поддерживая русскаго человѣка въ его нравственно-духовной независимости, вѣра, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушала ему сознаніе духовнаго превосходства предъ окружающимъ міромъ и вселяла бодрость и надежду на лучшее будущее. Православіе дѣлается народнымъ знаменемъ, неизбѣжною принадлежностью русской національности: „русскій" и „православный" превращаются на народномъ языкѣ въ слова какъ бы однозначущія, одно безъ другого немыслимыя. Сложившись и выковавшись въ тяжелой борьбѣ съ иновѣрнымъ міромъ, въ тяжкой и упорной борьбѣ на два фронта — съ языческимъ и мусульманскимъ востокомъ и иновѣрно-христіанскимъ западомъ, ставши въ народномъ и восточномъ сознаніи наслѣдницей Константина Великаго, второю Византіей, имѣя во главѣ своей единственнаго въ православномъ мірѣ независимаго государя и самостоятельнаго патріарха, Москва считаетъ себя православной по преимуществу, прямой опорой, носительницей и хранительницей греко-восточнаго православнаго исповѣданія. Народный инстинктъ самосохраненія и сложившіяся историческія условія внушали московско-русскимъ людямъ, что свое вѣроисповѣданіе, это народное и восточное знамя, необходимо держать въ сравненіи съ другими исповѣданіями на высотѣ недосягаемой, чтобы не дать тѣмъ и повода къ мысли о приравненіи его къ иновѣрію и чтобы никто изъ постороннихъ, какъ не освященныхъ, не смѣлъ и касаться его. Иновѣріе невольно сливалось съ злочестіемъ, невѣріемъ, лишеннымъ св. таинствъ. Такое воззрѣніе, охраняющее отъ западнаго иновѣрія,

тогда вкоренялось тѣмъ сильнѣе, что послѣднее, нанося крайній вредъ западно-русской церкви своими громадными опустошеніями въ ней, было въ ту эпоху полно заносчиво-пропагандическихъ плановъ и попытокъ относительно православныхъ церквей восточно-русской и византійской.

Отсюда у московско-русскихъ людей—сознаніе своей нравственной близости съ народами единовѣрными, сохраненіе къ нимъ чисто родственнаго чувства и отчужденіе отъ иновѣрныхъ. Самыми близкими изъ чужеземцевъ были греки. Послѣдняя Палеологъ избирается въ русскую государыню; инокъ Максимъ, братья Лихуды самою властію ставятся, хотя и не безъ ограниченій, руководителями духовно-просвѣтительнаго движенія; духовныя лица изъ грековъ нерѣдко занимали церковно-іерархическія мѣста; въ возникшей распрѣ и тяжбѣ между патріархомъ и царемъ верховными авторитетными судьями были члены высшей восточной іерархіи. Что же касается пріѣзжавшихъ къ намъ и жившихъ у насъ западно-европейцевъ, то, помимо исполненія принятыхъ ими на себя чисто практическихъ обязанностей, они, какъ иновѣрцы, не имѣли значенія, и потому хотя и пользовались на практикѣ значительной автономіей въ своей внутренней жизни и не были стѣснены въ отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей и въ сношеніяхъ съ своими единовѣрцами, къ русскимъ они должны были ограничиваться возможно одними чисто мірскими отношеніями, и лишь въ случаяхъ надобности. Говоря вообще, это былъ особый, если не вполнѣ огороженный, то крѣпко огараживаемый міръ.

II.

Прежде всего, вся русская церковно-религіозная область была совершенно недоступна иноземцу, а по связи съ нею закрыто было для него и многое изъ области чисто житейской. Ограниченію собственно въ церковно-религіозномъ общеніи должны были подвергаться изъ западно-европейцевъ особенно протестанты, какъ еще далѣе католиковъ отклонившіеся въ догматахъ и обрядахъ отъ Православія. Посѣщеніе ими русскихъ храмовъ было не возможно, считаясь оскверненіемъ святыни. Въ началѣ своего перваго путешествія съ голштинскимъ посольствомъ по Россіи (1634 г.), Олеарій и его спутники изъ любопытства заходили въ стоявшіе на пути храмы; но ихъ тотчасъ выводили назадъ и выметали за ними полъ. „Москвитяне—записалъ австріецъ Мейербергъ (1662 г.)—запрещаютъ людямъ иноземной вѣры входить въ свои церкви; и если кто изъ любопытства проберется туда тайкомъ, они сейчасъ же выводятъ его, взявши за плечи, и выметаютъ послѣ него полъ, чтобы очистить его отъ осквернения поганымъ прикосновеніемъ". Не имѣя доступа въ православныя церкви, иноземцы не могли держать въ своихъ домахъ православныхъ иконъ, чѣмъ предупреждалась всякая возможность осмѣянія иконъ со стороны иновѣрцевъ. Нѣмецкій купецъ Карлъ Моллинъ купилъ въ Москвѣ у одного русскаго каменный домъ. Прежній хозяинъ вынесъ всѣ иконы, тщательно соскоблилъ съ внутреннихъ стѣнъ священныя изображенія и захватилъ съ собою соскобленные остатки. Для своей прислуги, нанятой изъ мѣстныхъ, нѣкоторыми зажиточными

иноземцами стали было пріобрѣтаться иконы. Патріархъ Филаретъ Никитичъ счелъ ихъ дома недостойными такой высокой чести, иконы велѣлъ оттуда отобрать, а русскимъ у иноземцевъ не жить.

Потребность воспрещать жизнь и службу русскихъ у иновѣрцевъ сознавалась постоянно, тѣмъ болѣе, что иноземцы подчасъ оскорбляли религіозныя чувства подчиненныхъ и посягали на цѣлость ихъ вѣрованій. И „чтобы христіанскимъ душамъ осквернения не было и безъ покаянія не помирали бы“, Уложеніе Алексѣя Михайловича не только запрещаетъ русскимъ жить у иноземцевъ, но тѣхъ, кои учнутъ жить по крѣпостямъ или добровольно, велитъ сыскать и чинить имъ жестокое наказаніе, иноземцамъ же предписываетъ держать у себя однихъ иноземцевъ. Въ связи съ этимъ шло и ограниченіе помѣстнаго права. За не имѣніемъ денегъ, московское правительство испомѣщало иногда видныхъ служилыхъ иноземцевъ. Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ (1653 г.) у иноземцевъ-помѣщиковъ, за дѣлаемое ими крестьянамъ стѣсненіе въ вѣрѣ, имѣнья отобрать и „иноземцамъ всякихъ чиновъ людямъ вотчины свои продавать *русскимъ* людямъ, а иноземцамъ некрещеннымъ не продавать“. Помѣстья могли оставаться лишь за тѣми иноземцами, которые принимали Православіе. Равнымъ образомъ, иноземецъ, до обращенія своего въ Православіе, не могъ вступать въ родственныя связи съ русскими: ни самъ жениться на русской, ни дочь свою выдать за русскаго.

Иноземецъ долженъ былъ постоянно чувствовать ограниченія и въ своихъ служебныхъ и матеріальныхъ

выгодахъ по сравненію съ русскими. Московское правительство, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе пользовалось примѣненіемъ труда и знанія заподноевропейскихъ выходцевъ, по преимуществу изъ Германіи, Голландіи, Англіи и др. земель, въ дѣлахъ военномъ, промышленномъ, торговомъ, въ установленіи международныхъ сношеній, въ улучшеніи условій частнаго быта, въ развитіи ремеслъ, искусствъ и т. п. Сосредоточенные въ подмосковной Нѣмецкой слободѣ и разсѣявшіеся по большимъ торговымъ центрамъ и важнѣйшимъ пограничнымъ сторожевымъ по́стамъ, иностранцы находили себѣ службу и занятіе тамъ, гдѣ нужно было ихъ техническое и прикладное знаніе. Практичные москвитяне при этомъ наблюдали, чтобы всѣ отрасли, гдѣ примѣнялся иноземецъ, оставались въ русскихъ рукахъ, или по крайней мѣрѣ подъ русскимъ контролемъ и наблюденіемъ, чтобы мало по малу подготовлялись умѣлыя лица изъ природныхъ русскихъ. Чужеземцы, были ли то офицеры и солдаты, кораблестроители и матросы, доктора, аптекари, рудознатцы, каменщики, архитекторы, фабриканты, ремесленники, музыканты, художники и т. п. знающіе и умѣлые люди, при ихъ приглашеніи и наймѣ, и многіе торговцы, при допущеніи, слышали, чтобы *служили* великому государю и за то государево жалованье къ себѣ видѣли. Съ теченіемъ времени яснѣе развивалось, въ чемъ должна была состоять ихъ служба: они должны служить не только лично, но и *обучать* своему умѣнью, искусству и ремеслу природныхъ русскихъ. Вообще, становилось правиломъ, чтобы иноземцы, получая привилегіи и жалованье, обязывались сообщать

свои „заморскія хитрости“, обучать своему умѣнью, производству, мастерству и художеству русскихъ людей, ничего не скрывая отъ нихъ. Привилегіи давались имъ на опредѣленные сроки, послѣ чего право владѣнія, напримѣръ, устраиваемыми ими заводами обыкновенно переходило въ казну или въ частныя руки русскихъ людей, а если оставались за устроителями, то уже на общихъ условіяхъ; русскіе подданные могли свободно строить по образцу этихъ заводовъ свои. При этомъ, если за успѣшное обученіе, за добросовѣстную передачу русскимъ своего умѣнья каждый имѣлъ право надѣяться на полученіе награды, на прибавку жалованья и льготъ, то за скрываніе отъ русскихъ, напримѣръ, желѣзноплавильнаго мастерства потерпѣли даже такіе надобные и сильные люди, какъ извѣстные устроители тульскихъ оружейныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ, голландцы Марселисъ и Акема, за эксплоатацію въ торговлѣ пострадали англичане—Алексѣемъ Михайловичемъ были они высланы изъ Москвы и другихъ городовъ и ограничены въ правѣ торговли лишь у Архангельска. Иноземцы, закупавшіе въ Москвѣ дома и захватывавшіе торговлю въ ущербъ русскимъ, испытывали на себѣ суровыя мѣры.

Послѣдній фактъ необыкновенно характеренъ для той эпохи, и потому остановимся на немъ подробнѣе. Въ Москвѣ, отстраивавшейся послѣ Смутной эпохи, иноземцы захватывали русскіе дома въ лучшихъ и наиболѣе покойныхъ мѣстахъ города, перебивая у русскихъ покупателей; иные, нанимая себѣ квартиры у своихъ и русскихъ, продавали всякіе товары, оптомъ и въ разницу, даже безпошлинно. Москвичи роптали,

что такими средствами наживы иноземцы причиняютъ имъ большой матеріальный ущербъ. Московскіе и иногородные купцы не разъ жаловались на то правительству. Съ купцами иноземцы, не жалѣвшіе и посуловъ по приказамъ, совладѣвали довольно легко: почти все ограничивалось простымъ и формальнымъ имъ выговоромъ отъ правительства. Тогда мѣстные интересы приняло подъ свою защиту московское духовенство, сумѣвшее поставить вопросъ на нравственно-религіозную почву. Причты одиннадцати церквей, въ предѣлахъ приходовъ которыхъ разселились иноземцы, подали Михаилу Ѳедоровичу (1643 г.) челобитную съ жалобою на „нѣмцевъ“, что они „въ ихъ приходахъ на своихъ дворахъ вблизи церквей поставили ропаты“ и чинятъ всякіе соблазны и убытки, что они, „нѣмцы, русскихъ людей у себя на дворахъ держатъ и всякое осквернѣніе русскимъ людямъ отъ тѣхъ нѣмцевъ бываетъ; не дождавшись государева указа, покупаютъ они дворы въ ихъ приходахъ вновь, вдовыя нѣмки держатъ у себя въ домахъ всякія корчмы, и многіе прихожане хотятъ свои дворы продавать нѣмцамъ, потому что нѣмцы покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогою цѣною, предъ русскими людьми вдвое и больше, и отъ этихъ нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ“. Вслѣдствіе того духовенство просило о высылкѣ иноземцевъ изъ вновь пріобрѣтенныхъ ими домовъ, о запрещеніи имъ снова покупать тамъ дворы и дворовыя мѣста и объ учиненіи особаго указа о домахъ старыхъ, какъ равно и относительно кирокъ и держанія иноземцами русскихъ людей. Правительство посмотрѣло на дѣло теперь со всею строгостію. По-

слѣдовало царское повелѣніе: „ропаты, которыя у нѣмцевъ поставлены на дворахъ близъ русскихъ церквей, сломать," „на Москвѣ, Китаѣ, въ Бѣломъ-городѣ и за городомъ въ слободахъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ нѣмцамъ и нѣмкамъ вдовамъ у русскихъ людей не покупать, и купчихъ и закладныхъ на то въ Земскомъ приказѣ не записывать"; тѣмъ русскимъ, которые и послѣ того осмѣлились бы запродать свои дома и дворовыя мѣста, угрожалось царскою опалой. Распоряженіе было потомъ принято „Соборнымъ Уложеніемъ" и сдѣлалось укрѣпившимся закономъ, а затѣмъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда, по случаю новыхъ фактовъ, дѣло противъ московскихъ нѣмцевъ взялъ подъ свое покровительство патріархъ, всѣ иноземцы, какъ эксплоатирующій элементъ, были выселены изъ Москвы въ особую Ново-иноземскую или Нѣмецкую слободу. Это происходило въ серединѣ XVII вѣка[1]).

Чтобы избавляться отъ различныхъ непріятностей и убытковъ, а также вслѣдствіе дѣлъ по службѣ, торговлѣ, занятіямъ, многіе изъ иноземцевъ старались внѣшне приноравливаться къ русскимъ обычаямъ. Однако на такое заимствованіе ими нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ и на ихъ попытки чрезъ то замѣшаться между русскими у насъ смотрѣли неодобрительно: такое внѣшнее обрусѣніе ихъ приносило часто болѣе пользы имъ, нежели намъ. Владѣя русскимъ языкомъ и одѣтые порусски, иноземцы легче могли

---

[1]) Иновѣрцы, какъ извѣстно, не допускались также ни въ Боярскую Думу, ни въ начальники приказовъ, ни въ администрацію по областному управленію.

эксплоатировать мѣстное населеніе. По ходатайству патріарха Никона, замѣтившаго иноземцевъ при православной церковной процессіи, правительство повелѣло иноземцамъ скинуть русское платье и носить одежду своей страны.

III.

Стать равноправнымъ членомъ государства и не испытывать уже ограниченій въ своихъ сношеніяхъ съ русскими и общеніи съ ними иноземецъ могъ тогда не иначе, какъ сдѣлавшись русскимъ. Между тѣмъ русскій не мыслимъ былъ безъ Православія, и иновѣрцу, чтобы стать русскимъ, необходимо надобно было сойтись въ этомъ основномъ народномъ началѣ, т. е. принять Православіе.

Принятіе это совершалось подъ условіемъ перекрещиванія, гдѣ таинствомъ крещенія, какъ „банею паки-бытія“, иновѣрецъ очищалъ себя предъ вступленіемъ въ Православную церковь и семью „святой“ Руси. Это обычно совершалось такимъ образомъ. Заявившій о своемъ желаніи „креститься въ Православную христіанскую вѣру“ отводился обыкновенно въ монастырь. Здѣсь приготовляли его къ должному принятію таинства и новой жизни, наставляли его въ вѣроученіи и обрядахъ и по минованіи срока совершали надъ нимъ крещеніе и миропомазаніе и пріобщали Св. Таинъ. Этотъ „искусъ“ и крещеніе совпадали чаще всего со временемъ постовъ, и по преимуществу Великаго. Въ захолустныхъ мѣстахъ, гдѣ крещенія совершались рѣже, крестили и въ

ближайшихъ источникахъ; въ московскихъ монастыряхъ существовали для этого крещальни съ большими купелями. День крещенія былъ самымъ торжественнымъ: это было торжество религіозное и національное вмѣстѣ. Но и послѣ того новообращенный оставался на нѣсколько дней въ монастырѣ, чтобы не вдругъ перейти къ мірской жизни; если это совпадало съ наступавшимъ праздникомъ Пасхи или другимъ, то праздникъ онъ встрѣчалъ вмѣстѣ съ братіей.

Заботясь о религіозномъ наученіи обращаемаго, наши предки прилагали стараніе и о матеріальномъ его обезпеченіи. Иноземцы часто были сильны у насъ взаимнымъ содѣйствіемъ; съ обращеніемъ въ Православіе помощь отъ прежнихъ соотечественниковъ прекращалась; напротивъ они, гдѣ могли, вредили обращенному. На нашихъ предкахъ лежала нравственная обязанность облегчить ему переходъ, сдѣлать его въ матеріальномъ отношеніи нечувствительнымъ. Такимъ образомъ создается, такъ называемое, „государево жалованье“, которое обыкновенно съ избыткомъ вознаграждало обращающагося за возможныя для него утраты и сразу же ставило его въ новой средѣ въ удобное положеніе сравнительно съ прежнимъ. Лицамъ простымъ отпускалось изъ казны рублей 10—30, одежда, матерія, знатнымъ до нѣсколькихъ сотъ рублей и дарились помѣстья. Со вступленіемъ въ монастырь обращаемый уже содержался не на свой коштъ; часть жалованья выдавалась ему при крещеніи, остальное обыкновенно послѣ. Размѣры наградъ зависѣли, конечно, отъ многихъ случайностей; но въ основу ихъ поло-

жены были служебное и общественное положеніе обращаемаго, его пригодность, личныя качества. Награда обусловливалась также сановитостью воспріемника, каковымъ бывалъ самъ государь, но чаще бояре и именитые купцы; впослѣдствіи видимъ частыя назначенія въ воспріемники кого-либо изъ служащихъ въ приказахъ. Кумовья дарили и отъ себя. У нѣкоторыхъ лицъ это было такимъ же благочестивымъ дѣломъ, какъ въ наши дни различныя благотворительныя пожертвованія. Сопряженныя съ этимъ издержки ни государство, ни частныя лица не считали потерянными. Если тратились большія средства на наемъ временно служилыхъ „знатцевъ“, вольныхъ выѣхать по выслугѣ срока со всѣмъ нажитымъ имуществомъ, то издержки на ново-обращаемыхъ были зернами, отъ которыхъ всегда ожидали богатыхъ всходовъ. Не говоря объ удовлетвореніи высшей нравственной потребности, т. е. религіозному чувству, жертвователи сознавали, что съ каждымъ новообращеннымъ пріобрѣтался дѣятель, которому уже не было побужденій пренебрегать интересами своей новой родины, ни возможности измѣнить ей, или выѣхать изъ нея: онъ дѣлался русскимъ со всѣмъ своимъ потомствомъ. Прежнее имя замѣнялось православнымъ, подвергалась измѣненію, согласно русскому произношенію, и фамилія. Для новообращающагося же полученное имъ „жалованье“ часто служило значительнымъ поощреніемъ къ принятію новаго вѣроисповѣданія. Цѣльность склада русской жизни, проникнутой религіозными элементами, конечно, невольно должна была вовлекать въ себя иноземцевъ, подчинять ихъ, какъ оторвавшихся отъ

своей прежней почвы, тѣмъ болѣе, что на своихъ родинахъ они насмотрѣлись, какъ, при борьбѣ между протестантствомъ и католичествомъ, обычны были переходы изъ одного вѣроисповѣданія въ другое и какъ нерѣдко примѣнялось тамъ правило: „чья земля, того и вѣра“. И свойства Православія, дававшаго нравственный устой цѣлому государству и народу, и самый характеръ русскихъ, твердый, но добродушный, оказывали воздѣйствіе на присоединеніе, сближеніе и родство. Но не каждый могъ быть героемъ, чтобы изъ-за новаго вѣроисповѣданія рѣшиться на невзгоды; переходъ былъ легче для него, если съ тѣмъ не соединялось матеріальныхъ потерь, а скорѣе получались еще выгоды. Находились лица, у которыхъ матеріальные интересы стояли здѣсь на первомъ планѣ. Иноземцы всегда отличались практичностью; на Русь они являлись съ цѣлію благопріятнаго для себя устройства. Видя, что это достижимѣе при полномъ сліяніи съ русскими, они и прибѣгали къ этому средству.

Такъ вопросъ объ обрусѣніи западно-европейцевъ въ Московскомъ государствѣ самъ собою сводился главнымъ образомъ на вопросъ объ обращеніи ихъ въ Православіе чрезъ перекрещиваніе и на заботы о матеріальномъ обезпеченіи обращающихся.

Среди принимавшихъ Православіе находились иноземцы нововыѣзжіе и родившіеся въ Россіи, католики, лютеране, реформаты и другіе протестанты, лица разныхъ національностей, нѣмцы, англичане, французы, голландцы, шведы, ливонцы, поляки, литовцы, люди различнаго рода занятій и положеній—военные, торговые, доктора, ремесленники, слуги, плѣнные и сво-

бодные, простые и образованные, мужчины и женщины, сыновья и дочери. Наибольшія массы обращающихся первоначально были изъ плѣнныхъ. На войну тогда смотрѣли, какъ на добычу, и Грозный, во время счастливыхъ дѣйствій въ Ливоніи, точно вычерпывалъ, наприм., оттуда нѣмецкій элементъ. Полонъ отводился въ Россію громадными партіями, иногда по тысячамъ; переводили по преимуществу молодыхъ, красивыхъ и знатнѣйшихъ. Главныя массы ихъ селили въ подмосковныхъ предмѣстьяхъ, но плѣнныхъ можно было видѣть, кромѣ Москвы, въ городахъ Владимірѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Псковѣ, Великомъ-Новгородѣ, Угличѣ, и въ глухихъ мѣстахъ, по помѣстьямъ. Чтобы лучше устроить свой бытъ, многіе изъ нихъ и принимали Православіе, тѣмъ болѣе, что значительная часть этихъ плѣнныхъ обращалась въ крѣпостные. Впослѣдствіи контингентъ плѣнныхъ доставляли наши войны съ Польшей, и поляки, литовцы и западноруссы католики принимали Православіе въ большомъ числѣ. Затѣмъ, по количеству обращающихся въ Православіе были люди военнослужилые, офицеры и солдаты, почему при Михаилѣ Ѳедоровидѣ начинаетъ въ „государевомъ жалованьѣ за крещеніе“ имъ намѣчаться какъ бы опредѣленная такса, по чину, которая при Алексѣѣ Михайловичѣ дѣлается уже очень устойчивой. Поручикамъ, напримѣръ, выдавалось первой статьѣ по 25 рублей, второй статьѣ по 20 рублей, третьей статьѣ по 15 рублей (по тогдашнему курсу); офицерамъ высшихъ чиновъ, капитанамъ, маіорамъ и т. д. жалованье шло бо́льшее. Подполковникъ Иванъ Эткинъ, по крещеніи Матвѣй, крестив-

шійся въ 1649 г. съ женой, сыномъ, дочерью и падчерицей, получилъ 60 руб., жена 30, дѣти по 10 руб. Заслуженный полковникъ Александръ Лесли, по крещеніи Аврамъ, крестившійся въ 1653 году, вмѣстѣ съ своей многочисленной семьей, получилъ много болѣе, причемъ женѣ его дано 100 р.; воспріемникомъ у нихъ былъ тесть государя Милославскій. Женѣ полковника Тура дано (1681 г.) 40 рублей; дочь капитана Весселя награждена 30 рублями. Изъ другихъ военныхъ высшаго ранга, принявшихъ Православіе, еще назовемъ—генераловъ и полковниковъ фонъ Бокговена (1675 г.), фонъ Трауернихта, братьевъ фонъ-Штаденъ, Бутлера; сынъ полковника русской службы Аѳанасій Денисовичъ фонъ-Визинъ по крещеніи служилъ въ Оружейномъ приказѣ съ званіемъ стольника и потомъ (около 1673 г.) воеводою въ Самарѣ. Изъ другихъ вспомнимъ хотя семью Виніусовъ. Для военныхъ крещеніе сопровождалось повышеніемъ по службѣ, увеличеніемъ размѣровъ жалованья, помѣстья или награжденія помѣстьемъ. Полковникъ Лесли возведенъ въ генералы: въ этомъ званіи онъ со своимъ „пѣшаго солдатскою строю“ полкомъ помогалъ Алексѣю Михайловичу при осадѣ Риги въ 1656 году и померъ въ 1663 г., участвуя въ новомъ Смоленскомъ походѣ. Подпрапорщикъ датчанинъ Монсъ Петерсонъ, по крещеніи Дмитрій Петровъ, за крещеніе (1632 г.) получилъ добрую камку, сукно и 25 руб. денегъ; затѣмъ, соотвѣтственно рангу, награжденъ помѣстьемъ въ 350 четвертей; жалованья получалъ онъ прежде пять рублей въ мѣсяцъ, теперь прибавленъ ему рубль „для крещенья“, питья велѣно выдавать 3 чарки вина,

кружку меду, 2 кружки пива. Перешедшій изъ лютеранства (1651 г.) Василій Фандергорстъ къ прежнему помѣстному окладу, къ 500 четвертямъ, получилъ за крещеніе еще 200 четвертей, къ 23 рублямъ денежнаго жалованья 50 руб.

Каждый обратившійся, кромѣ полученія помощи при крещеніи, всегда могъ надѣяться, что его не оставятъ и впослѣдствіи и не только при серіозныхъ затрудненіяхъ, но и въ обстоятельствахъ неособенно важныхъ, не только, напримѣръ, при женитьбѣ, но и при покупкѣ дома и т. п. Иванъ Дорнъ, живя по частнымъ квартирамъ, хотѣлъ обзавестись своимъ домомъ. Хотя онъ получилъ особую сумму за крещеніе, значительное пособіе при женитьбѣ и продолжалъ получать поденный кормъ, однако, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему не дано годоваго денежнаго жалованья, сталъ просить Михаила Ѳедоровича о домѣ, излагая: „а которые, государь, иноземцы, прежде сего выѣзжали и оставались на твое государево имя, и тѣмъ даваны на дворовое строенье деньги или отданы на житье опальные дворы". Положили ему выдать 140 рублей, для пріобрѣтенія дома. На удовлетвореніе его просьбы могло, конечно, вліять и то, что онъ показалъ особую службу: вмѣстѣ съ Лыковымъ перевелъ (1637 г.), по государеву указу, съ латинскаго языка полную космографію.

Независимо отъ денежныхъ пособій, повышеній на службѣ и т. п., новообращенный безпрепятственно пользовался теперь всѣми правами и преимуществами, какія принадлежали природнымъ русскимъ того общественнаго состоянія, къ которому онъ былъ причи-

сленъ послѣ крещенія. Уравненіе новообращеннаго въ правахъ съ русскими вызывалось тѣмъ, что онъ на всегда соединялъ свою судьбу съ Россіею: крещеніе замѣняло для него присягу на вѣчное вѣрноподданство, и потому даже плѣнные, принявшіе Православіе, при размѣнѣ военноплѣнныхъ не отпускались.

IV.

Принявшіе Православіе жили обыкновенно отдѣльно отъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ, хотя и бывали случаи, что иные, какъ и прежде, продолжали оставаться въ ихъ родной средѣ. Если часть новообращенныхъ и продолжала держаться прежнихъ обычаевъ и мало измѣняла свой домашній образъ жизни; если иные, по случайностямъ, оставались даже въ иноземскихъ селеніяхъ: то большинство поселялось между природными русскими или же, гдѣ ихъ было много, въ особыхъ слободахъ. Подъ Москвой такихъ слободъ лежало двѣ: Басманная, обокъ съ Нѣмецкой, и Панская, по другую сторону города. На взглядъ заѣзжаго наблюдателя первая изъ нихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія казалась, по составу своихъ жителей, населенною людьми разнаго состоянія. Въ своемъ внутреннемъ строѣ слободы перекрестовъ не могли уже удержать тотъ своеобразный характеръ, какой принадлежалъ слободамъ иноземскимъ.

Впрочемъ, и на всемъ западно-европейскомъ населеніи, долго жившемъ въ Россіи, лежалъ уже особый отпечатокъ. Шлейзингъ, бывшій въ Москвѣ при царевнѣ Софьѣ, обрисовываетъ: „Большая часть европейцевъ въ Россіи и притомъ знатнѣйшіе—нѣмцы, отчего

русскіе всѣхъ иностранцевъ называютъ нѣмцами, хотя между ними есть голландцы, англичане, французы, поляки и др. Нѣмцы въ большинствѣ офицеры, другіе—лейбъ-медики, художники, ремесленники. За исключеніемъ купцовъ и ремесленниковъ, всѣ они состоятъ на царской службѣ. Въ обществѣ офицеровъ замѣтно различіе: одни изъ нихъ называются старыми, другіе новыми нѣмцами. Старые нѣмцы родились въ Россіи поколѣніи въ третьемъ и хотя были бы и хорошаго происхожденія, однако нѣмецкая кровь въ нихъ испарилась; большею частью они съ русскими манерами, ходятъ въ русскомъ платьѣ.... Для нихъ уже нѣтъ возврата на родину, потому что ихъ отцы и дѣды вступили въ вѣчное подданство государя и многіе изъ нихъ приняли русскую вѣру. Новые нѣмцы—тѣ, которые выписаны царемъ и которые прежде служили королямъ шведскому, польскому и многимъ другимъ; между ними есть храбрые люди. Жалованье офицерамъ 200—300 рейхсталеровъ ежегодно; отправляющіеся же на службу въ Казань, Астрахань, на азіатскія границы, или въ Кіевъ, къ Польшѣ и къ границамъ крымскихъ татаръ получаютъ больше. У оберъ-офицеровъ прежде были помѣстья, но патріархъ представилъ, что несправедливо господствовать еретикамъ и невѣрнымъ надъ православными, и съ тѣхъ поръ имъ выдается содержаніе одними деньгами".— Мы уже знаемъ, какъ патріархъ, послѣ одного крестнаго хода, гдѣ замѣтилъ иноземцевъ, исходатайствовалъ у правительства запрещеніе „нѣмцамъ" носить русское платье. Упоминая объ этомъ, Шлейзингъ говоритъ, что „теперь нравы измѣнились и что

русскимъ очень нравится, если кто носитъ ихъ платье. Нѣмцы одѣваются, какъ хотятъ, нѣкоторые по-русски, другіе по модѣ французской или иной, почетнѣйшіе же ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Они не чуждаются и другихъ русскихъ обычаевъ", даже соединенныхъ съ нѣкоторыми праздниками.

Но и изъ свидѣтельства Шлейзинга видно, что обрусѣніе иноземцевъ, совершавшееся помимо религіознаго, не было, какъ и слѣдовало ожидать, полнымъ, и взаимная рознь между ними и русскими чувствовалась постоянно. Лишь обращеніе иноземца въ Православіе было шагомъ, неотвратимо влекшимъ за собою дальнѣйшій процессъ перерожденія. Перекрещенцы все тѣснѣе и тѣснѣе сближались съ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ, становясь въ антагонизмъ съ прежними единовѣрцами. „Перекрещенцы, говоритъ Олеарій, обыкновенно отличаются большою нетерпимостью къ прежнимъ своимъ единовѣрцамъ и даже по отношенію ко всѣмъ иностранцамъ гораздо тяжелѣе самихъ русскихъ". Несомнѣнно, съ русскими невольно завязывались у новообращенныхъ самыя разнообразныя непосредственныя отношенія и живые интересы—религіозные, общественные, семейные. Правда, не безъ причины наши дворянскія фамиліи пріобрѣли, напримѣръ, пристрастіе выводить свои роды отъ „знатныхъ" пришельцевъ: перекрещенцы, несомнѣнно, прививали русскимъ и свои соціальныя и другія понятія; ихъ типъ, внутренній и внѣшній, оставлялъ слѣды въ ихъ потомствѣ. Но внося въ русскую среду свои воззрѣнія и привычки и, между прочимъ, содѣйствуя возбужденію въ служиломъ

классѣ стремленій къ сословности и культурному сближенію съ Западомъ, сами они несравненно въ большей степени подчинялись русскому быту, послѣдующія же поколѣнія, особенно отъ смѣшанныхъ браковъ, до того ассимилировались, что уже обыкновенно никто не отличалъ ихъ отъ природныхъ русскихъ. А Олеарій сообщалъ о своей встрѣчѣ въ Астрахани съ православно-русскимъ монахомъ, родомъ изъ австрійскихъ нѣмцевъ, занимавшимся улучшеніемъ разведенія винограда.

V.

При видоизмѣнявшихся общихъ условіяхъ исторической жизни, требованіе перекрещиванія при переходѣ въ Православіе было отмѣнено по отношенію къ католикамъ—московскимъ соборомъ 1667 г., а по отношенію къ протестантамъ—при Петрѣ; узаконено для того одно миропомазаніе. Суровая мѣра, порожденная тяжелыми обстоятельствами, опасностью иновѣрія и духомъ времени, такимъ образомъ, по миновaніи въ ней надобности, была оставлена: для оберегания достоинства и неприкосновенности Православія были, съ расширеніемъ образованія, вызваны иныя средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, у насъ не соблюли должнаго равновѣсія: идя по пути снисхожденія къ иновѣрцамъ, мы вскорѣ утратили то, что́ дѣлалось прежде въ интересахъ гражданскихъ, прекратили заботы объ эмансипированіи обращавшихся, о матеріальной и нравственной имъ помощи. Съ наплывомъ чуждыхъ людей во главу дипломатіи и управленія и съ оказавшейся наличностью другихъ ис-

кусственныхъ условій въ нашей государственной и общественной жизни, бывали у насъ довольно продолжительные моменты даже прямого противодѣйствія обрусѣнію, когда тяжело отзывалось не только тому иноземцу, который рѣшался принять Православіе, но и природнымъ русскимъ, осмѣливавшимся поднимать свой голосъ о народномъ дѣлѣ. И много надобно было времени и усилій для русскаго духа, чтобы снова вызвать къ жизни, хотя и въ слабой еще степени, мысль о собственномъ достоинствѣ и о содѣйствіи тѣмъ, кто желаетъ вполнѣ слиться съ русскими. Въ пробужденіи данной мысли неоспоримое значеніе должно приписать явившейся въ XIX столѣтіи, такъ называемой, идеѣ національности.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи Преобразованій. Историческое изслѣдованіе. VIII, 782 стран. Цѣна 6 рублей.

Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи. Приложеніе къ изслѣдованіямъ. Часть I. Цѣна 2 руб.

Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. IV, 450, LII стр.

Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ.

Россія и Западная Европа въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Основаніе русскаго флота. Историческій очеркъ.

Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ.

Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Московскаго періода.

Первыя нѣмецкія школы въ Москвѣ и основаніе придворнаго нѣмецко-русскаго театра.

Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ Государствѣ. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Петръ Великій во Франціи.

Баллады Шиллера. Опытъ объясненія ихъ. Цѣна 1 р.

Zur Erinnerung an A. W. Fechner.

Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. Томъ первый (печатается). Цѣна 4 руб. Томъ второй, въ двухъ книгахъ (вышелъ изъ печати). Цѣна 6 руб.

И другіе.

Складъ отдѣльныхъ изданій въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, Стасюлевича и „Новаго Времени" (Суворина).